

Книга первая

ВСТРЕЧА

С ПРОФЕССОРОМ БОГОМ

1

Нет во мне ничего среднего, ничего умеренного — сплошные крайности. Коли что люблю — не оберешься щенячьих восторгов (правда, без облизываний). Коли психую — оса, или даже целый осиный рой. А в гневе — разъяренная медведица, охраняющая своих медвежат.

Я это к тому, что в последнее время вся моя жизнь — сплошные крайности. Например, сейчас. Лечу над землей на высоте двадцати тысяч футов. Все пятеро, кого я больше всего на свете люблю, со мной рядом. Мы не в самолете, не в корзине воздушного шара и даже не на параглайдерах — нам больше по душе добрые старые крылья, технология, испытанная и природой, и временем.

Если вы когда-нибудь мечтали полететь, мечты ваши абсолютно оправданы. Ощущение именно такое, какое вам грезится, только умножьте как минимум на сто.

Даже если, спасая жизнь, летишь в туннеле подземки, все равно кайфово. А сегодняшний полет над Африкой вообще ни с чем не сравнишь. Может, самое лучшее в этом полете то, что в первый раз за тысячу лет мы не драпаем

от всяких психов, которые на нас охотятся, а летим на задание. Творить добро!

— Макс! — зовет меня Игги. — Почему они себя Чадом назвали? Все равно что целую страну Бифом¹ или Треем² назвать. У меня лично это в голове не укладывается.

— Иг, прекрати говорить глупости. Ты прекрасно знаешь, люди себя так сами не называют.

— Откуда ты знаешь? Мы-то себя сами назвали, — встряла Надж.

Как будто мы без нее не помним, как росли в лаборатории и как измывались над нами психованные генетики.

— Это потому, что мы особенные. — Я махнула рукой на ее крылья в двенадцать футов размахом. И, заметив в отдалении марсианские голые скалы, скомандовала стае:

— Внимание! Проверьте-ка вот те камешки.

Клык повернул голову и одарил меня одной из своих классических полуулыбок. Как у Моны Лизы. Была бы Мона Лиза парнем, подростком с длинными волосами, черными глазами и в кожаной куртке — о-о-о-о! — она бы именно так улыбалась.

И наше путешествие такое же классное, как клыковские улыбки. Хотя мили и мили загадочных зыбучих песков пустыни там, внизу. Вообще-то нас удивить трудно. Кто-кто, а мы завязтые путешественники. Нас носит по свету от Долины Смерти до Антарктики. Но пустыня — это нечто! Ее ни с чем не сравнишь! А все те страны, над которыми мы пролетали... О черт! Опять забыла, какие мы пролетали страны.

— Мавритания, Алжир, Мали, Нигерия и Чад. Пустыня составляет шестьдесят процентов территории этих стран, — как по писаному декламирует Ангел, прочтя мои

¹ Биф — Biff (*англ.*), сленг: тупой, не требующий большого ума.

² Трей — Trey (*англ.*), сленг: идеальный бойфренд.

невысказанные вопросы. Вот она у нас какая! Мысли чужие читает, как не фиг делать. И географию где-то выучить успела!

— А по мне, так больно много этой треклятой пустыни, — причитает Газзи, брат Ангела. — По мне, пусть бы лучше внизу коровки паслись и травку зеленую жевали.

— Ангел, тебе за географию пятерка с плюсом. Газзи и Игги, отставить критиканство и скулеж.

Скажите, чудеса: родителей у нас нет, откуда только я, спрашивается, всех этих воспитательных штук поднабралась? Но должна честно признаться, без них командир не обойтись.

— Я, ребята, прекрасно понимаю, перелет у нас был долгий, и вы от него немного... того... прибалдели. Но теперь нам представился случай помочь людям. Настоящим живым людям. Подчеркиваю, на-сто-я-щим.

Настоящим, в смысле того, что не тем, которые за стеклом в теплице выросли, типа нас. Если, конечно, собачью конуру в лаборатории можно считать теплицей. А Клык уточняет:

— И не разным там ученым фанатикам.

— Вот именно. Вам, друзья мои, когда-нибудь приходило в голову, — с пафосом продолжаю я, — что наше предназначение спасти мир, вполне вероятно, означает спасти конкретных людей, всех по одному. Оповестить мир о людях в беде — дело, безусловно, важное и благородное. Но реально накормить одного за другим, конкретных голодающих мужчин, детей и женщин, доставить им лекарства и прочее — это совсем другое дело. Ничего такого раньше нам делать не доводилось. И я хочу вам сказать, что, возможно, в этом и состоит наша великая миссия.

— Макс права, — соглашается Ангел. Что на нее совершенно не похоже, особенно в последнее время. Мы с ней давненько уже с глазу на глаз как следует не беседовали, и я — хоть убей — не пойму, что у нее теперь на уме.

— Знаешь что, Макс. Ходят слухи, что мир спасти — это твоя задача, — продолжает гундеть Игги. — А про нас я ничего такого не слышал.

Вот трус. Вечно он норовит легкие пути искать. Одно спасение, Клык не такой. Хоть на него положиться можно.

— Макс, я за тобой хоть на край света пойду, где бы ты ни вздумала мир спасти... — Клык снова улыбнулся мне своей неотразимой улыбкой. — Мать Тереза¹ ты наша.

Сердце у меня екнуло, будто, сложив крылья, я в свободном падении ухнула вниз. Да здравствуют щенячьи восторги!

Но на наслаждение моей праведностью мне было отпущено ровно пять секунд. Потому что через пять секунд на горизонте появились три черные точки. И они надвигались прямо на нас.

Похоже, медвежата снова в опасности. Не буду лишней раз объяснять, что это значит: отставить щенячьи восторги! Пора просыпаться грозной медведице.

2

Неопознанный объект идет на сближение. Немедленно все вниз!

Быстро приближающиеся к стае объекты обычно принадлежат к одной из трех категорий:

А. Пули.

Б. Мутанты с нездоровыми намерениями убить детей-птиц.

В. Транспортные средства, зафрахтованные злодеями, страдающими манией величия, с целью нас похитить и ис-

¹ Мать Тереза Калькуттская (настоящее имя Агнес Гонджа Бояджиу; Agnes Gonxha Bojaxhiu; 1910[1] — 1997) — католическая монахиня, занимавшаяся служением бедным и больным. Лауреат Нобелевской премии мира (1979) «За деятельность в помощь страждущему человеку». Причислена Католической церковью к лику святых.

пользовать наши способности, чтобы подчинить себе человечество.

Потому-то я и действую, исходя из предположения, что три черные приближающиеся точки означают единственно возможное, а именно — неизбежную смерть.

— Макс, расслабься! — Клык ухитрился остановить меня прежде, чем я нырнула головой вниз. — По-моему, это грузовые самолеты КППБ.

КППБ — это Коалиция по Прекращению Безумия, партия, в которой состоит моя некрылатая мама. Это по просьбе КППБ мы отправились в Африку с гуманитарной миссией помочь распространению информации о деятельности партии в республике Чад. Это КППБ своими заданиями медленно, но верно превращает нас из грязных помоечных отщепенцев в благородных Робин Гудов. Мы уже участвовали в их борьбе с глобальным потеплением и загрязнением океана радиоактивными отходами. И вот теперь у нас новая задача и новое место назначения. К тому же никто не отменял стоящего у меня на повестке дня спасения мира. Господи, я совсем закрутилась — ни дня свободного нет. И не предвидится.

Короче, Клык прав. У меня совершенно из головы выскочило, что где-то в этом районе мы должны встретиться с самолетами КППБ и лететь с ними вместе дальше в лагерь беженцев.

Бросаю Клыку благодарный взгляд, мол, спасибо тебе, хоть у одного из нас голова на плечах. Наши глаза встречаются, и меня пробирает озноб. Это любовь.

Меж тем Газзи орет мне во все горло:

— Макс! Где? Я ничего не вижу!

— И я ничего не вижу! — вторит ему Игги.

— Иг! Прекрати паясничать! — Как ему только не надоест спекулировать своей слепотой. Но, если честно, Игги, хоть и слепой, но с нами совершенно на равных. Так что это наша семейная шутка.